

18+

Елена Мичурина

О любви и нелюбви

Рассказы

Елена Мичурина

О любви и нелюбви. Рассказы

<https://litres.ru/74148368>

ISBN 9785006997769

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Сборник рассказов объединенных темой любви. Реалистичные и мистические, длинные и короткие, смешные и грустные, из личного опыта и выдуманные, одним словом — разные по содержанию и форме, но, как надеется автор, одинаково интересные. Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Содержание

МАМОЧКА	5
РОЗОВЫЙ ВЕЧЕР	13
НАПИТКИ ПОКРЕПЧЕ	21
ЛОНЖИНЫ	37
ОШИБКА	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

О любви и нелюбви

Рассказы

Елена Мичурина

© Елена Мичурина, 2026

ISBN 978-5-0069-9776-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАМОЧКА

В белую ночь сирени листву

Ветер качает, то робкий, то смелый

Ах, как я люблю эту песню! Ведь это песня про меня! Мне семнадцать лет, я молода, красива и влюблена! Как я влюблена в этого проказника — веселого, легкого, взбалмошного Ветра. Он обнимает мой девичий стан, шепчет слова любви, а затем, хохоча, взмывает вверх, к самым облакам, купается в них, неистово плескаясь, и падает чистым и благоухающим в мои объятия.

Кто-то подумает, ничего не обычного в этом нет, ну, шелестит ветер в листве сирени, что ж такого. Сколько их таких сиреней по всему миру... Ах, как он ошибется! Я не простая сирень. Во мне человеческая душа. Да, да, самая настоящая человеческая душа. Она поселилась во мне тогда, когда корешки мои проникли вглубь, на метр и там обнаружили зарытую девочку, обвили косточки, и ее душа вошла в мою древесину. Что я тогда почувствовала? Нет, больно не было, но почему-то я заплакала, хотя кто-то скажет, это обычная роса. Девочка эта прожила в теле женщины шесть месяцев. Она преждевременно покинула тело женщины, и не могла еще дышать, ей не чем было дышать, она была мертва. Женщина, ее, то есть моя мамочка зарыла тогда холодненький и синенький трупик под молоденьким кустиком, даже не ку-

стиком, а так, всего лишь тоненькой веточкой, купленной в тот день, когда в теле мамочки поселилась живая душа.

Я хорошо помню тот день, себя — тонкую веточку, стоящую среди таких же в пучке, прислоненном к бортам открытой грузовой машины, рядом с пучками яблок, слив, груш, малины и невесть еще чего. Мужчина, морщинистый, с загорелым, обветренным лицом вытащил меня, слегка оцарапав своими шершавыми как наждачка, натруженными руками и протянул женщине, голубоглазой блондинке, впрочем, может мамочка и не блондинка была на самом деле, а на голове имелось лишь чудо парикмахерского искусства. Она протянула ему смятую двести рублевую купюру, а он сказал:

— Не пожалеете. Красавица Москвы. Отличная сирень.

Так сказал тогда этот грубый на вид колхозник, разъехавшимся по сторонам ртом, заморщившись от этого еще сильнее и ставший похожим на добродушного шарпея. Так что я Красавица, хотя живу и не в Москве. У меня белые, с оттенками нежно-розового цвета махровые соцветия, я подобна невинной невесте, чуть смущенной, оттого с розовым румянцем, пробивающимся через белоснежную фарфоровую кожу щек.

Мамочка ухаживала за мной, поливала, обрезала отцветшие соцветия, а когда какой-то грубиян мужик полоснул по мне леской, обкашивая рядом траву, и с под надорванной коры потек ручейком бесцветный сок, на который сползли муравьи, мамочка, выругав его на чем свет стоит, помазала мою

рану зеленой, как человеческому ребенку. Ранка на ветру затянулась, и муравьи перестали меня донимать. Остался лишь небольшой шрамик. Когда я зацветаю, мамочка любит меня, погружает в пену моих цветов лицо, целует, вдыхает мой аромат и с восторгом и нежностью повторяет:

— Действительно красавица... Какая красавица!

И тогда я чувствую себя самой счастливой девочкой на свете.

А еще человеческие души умеют общаться с себе подобными, они как ветер могут преодолевать расстояния, и само время не властно над ними. Так, я могу навещать своих братьев и сестер.

Три мои братика существуют, как и я, без человеческих тел, от их тел, как и от моего давно остались, лишь белоснежные, отполированные временем косточки. Двое находятся рядом со мной, в этом же саду. Две туи, стройные как кипарисы, плотно набитые плюшевой хвоей необычного изумрудного цвета, с таким же необычным названием смарагд, тоже, как и я одушевлены. Одному из братиков не повезло, он родился живой, и оттого познал, что такое смерть тела, когда душа не хочет, не хочет покидать тело. Хорошо есть мамочка, готовая всегда помочь. Рассказывает нам, что жить в собственном человеческом теле необыкновенно, необыкновенно хорошо. Мы с другим братом помним только жизнь в мамочке, из нее мы уже вышли мертвыми, нам трудно его понять.

Втроем, в саду нам спокойно. Мне кажется, что нам повезло куда больше тех, которые родились в срок, в больнице, куда мамочка отправлялась рожать, когда таблетки не выгоняли из нее детей прежде времени.

Ведь никто из людей не сделал нам никакого зла, а люди могут делать зло. Это я услышала от других моих братиков и сестричек, тех, которые не в саду.

Третий мой братик, похоронен на настоящем человеческом кладбище, в деревянном маленьком гробике. У него есть настоящее человеческое имя. Написанное черной краской на белой металлической табличке. Данил. Я часто прилетаю к нему и усевшись на перекладине креста, точно птичка на проводе, развлекаю его.

Он рассказывал, что в человеческом теле прожил всего три года. В грязной комнате, куда к мамочке приходили какие-то люди и что-то пили. От этого они становились сумасшедшими — кривлялись, смеялись, занимались разными странностями. Ему часто хотелось есть, а это очень страшное чувство, когда хочешь есть, а есть не дают. Или дают что-то, от чего у тебя потом болит живот. Как оказывается от человеческого тела много боли. И у него все время болел живот. А в тот вечер какой-то мужчина принес шоколадку и сказал мамочке: «Можно я ему шоколадку под подушку положу, а он проснется и съест?» Мамочка разрешила. Мужчина подошел положить шоколадку, тронул Данила и сказал: «Да он холодный совсем» Данил умер. А теперь жалел, что не по-

пробовал ту шоколадку. Он ведь так хотел попробовать. Тело подвело.

Данилу не с чем срастаться, деревьев рядом с его могилой нет, и я стараюсь навещать его как можно чаще, чтобы ему не было скучно, ведь кроме меня к нему никто не приходит. Могилка поросла высокой травой, и в ней играет мой Ветер, дожидаясь, когда мы с братиком наговоримся.

Среди нас есть самые несчастные — живые. Да, да, живые души, в живых телах, наш брат и две сестры.

Коля и Света совсем немного прожили в грязной комнате, их забрали какие-то люди, женщина в голубой рубашке с погонями и холщовой прямой юбке со стальным безразличным взглядом и мужчина, отличающийся от нее только брюками и фуражкой на голове, сдвинутой набекрень. Они плохо помнят и житье в каком-то доме, наполненном другими детьми, и чужими тетками. Зато они хорошо помнят тех людей, которые забрали их из этого дома. И я их хорошо помню, потому что из-за них я впервые пожалела, что у меня нет тела. Тело, оказывается не только боль. Это возможность в человеческом мире помочь другим людям. Ах, как я жалела, что у меня нет рук, чтобы открыть тот чертов подвал, в котором плакали Коля и Света, когда их наказывала новая мамочка, а из рук так называемого папочки вырвать ремень с металлической бляшкой... Они много работали на огороде и в доме, в жару, и холод. Впрочем, по человеческим меркам это все было давно. И те люди, что стали их семьей, уже ле-

жат совсем неподалеку от Данилы. Только у них ухоженные могилки. Коля ухаживает. Он говорил Свете, что благодарен им, за то, что не остался жить в том доме, с другими детьми. А Света к ним не ходит. С Колей и Светой я общаться не могу, они даже не знают о нас, живущих в саду. Мы можем общаться только с такими же как мы, лишенными человеческих тел душами. Но я могу наблюдать за ними. Они уже взрослые, у них уже есть свои дети, так что я благодаря им тетя, хоть мне всего семнадцать.

Самая несчастная из нас — самая счастливая. Маша. Мамочка не забрала ее из больницы, она просто ушла оттуда и Машу переместили в специальную палату, палату номер два. Там лежали дети, которых называли неприятным словом «отказники». И для совсем еще маленькой Маши нашлись родители, которые очень давно ее хотели, совершенно не зная какая она. Они увезли ее за океан, в далекую Америку. На новую Родину. Дали ей новое имя — Мэри. Самая любимая моя сестра, уже взрослая, ей двадцать два года.

Мэри мечтает стать врачом. У нее в морозилке замороженные крысы, которых она размораживает, а затем режет острым как бритва ножом. И говорит при этом по-английски: — Так, так, так, посмотрим, что у тебя...

Она много читает толстых книг и учит что-то из них наизусть. Я плохо понимаю, что именно она учит, но в общих чертах улавливаю, что для того, чтобы телу помочь иногда его нужно разрезать, что-то сделать внутри и обратно

защить. Это делают особые врачи — хирурги. Мэри хочет стать именно этим врачом. Она спасатель.

Пока она работает медсестрой в больнице, куда привозят побитых, обожжённых, почти утонувших, чем-то отравленных детей. И перед ее глазами проходят такие же истории, какие происходили с ее родными братиками и сестричками. Она их спасает. И мечтает найти нашу мамочку и папочку и всех нас. Чтобы тоже всех спасти.

И еще она мечтает увидеть Россию, Москву и собор Василия Блаженного.

Я легко могу видеть будущее, потому что тут его нет, как и прошлого с настоящим.

Мэри станет хирургом, и будет резать людей, так как сейчас режет крыс.

Она увидит Москву и собор, мамочку, Колю и двух его детей, своих племянников. Света не захочет встретиться, по телефону она скажет, что не видит в этом смысла. Услышит про умершего Данила, и о том, что кто ее отец не знает даже сама мамочка...

Мамочка не хотела никаких детей. Она просто любила водку, а в компании с ней пили водку другие люди, и среди них были мужчины. А после мужчин — последствия. Мы, ее дети, рожденные или нет всего лишь последствия, которые ей были не нужны.

От чего спасти мамочку? Мэри думает, что от водки. От водки ведь можно спастись, и все медики об этом знают.

Нет, что не говорите, а нам живущим в саду, здесь гораздо, гораздо лучше, чем им, оставшимся жить в человеческих телах. Нам не надо, чтобы нас спасали, и не надо никого спасать.

Вот только Лорд, да Ксюха донимают. Лорд лощенный, иссиня-черный лабрадор — мамочкин любимый пес, метит туи несмотря на то, что мамочка вокруг сплошь натыкала ватные палочки, пропитанные маслом мандарина, запах которого якобы неприятен для животных. И у мальчиков от этих меток всегда обожжённые ножки, которые мамочка заботливо моет водой из шланга, в надежде смыть метки, и то, что Лорд забудет к ним дорогу. Но Лорд все равно помнит. Поэтому сверху туи изумрудные, плюшевые, набитые, а внизу местами коричневые с залысинами. А Ксюха, — кошка, обычная беспородная, с браслетом от блох на шее, точит о мой ствол когти несмотря на то, что мамочка купила ей специальную точилку для когтей и поставила рядом со мной. Мамочка их очень любит. Тратит пол пенсии им на еду из пакетов, прививки по графику и ветеринаров, если кто-то из них заболевает. И нам, грех на мамочку жаловаться, нас она тоже очень любит.

А теперь меня еще и ветер полюбил. Наш сад наполнен любовью, разве это не прекрасно?

РОЗОВЫЙ ВЕЧЕР

Костя с трудом дождался конца уроков. Он был в очень хорошем расположении духа. Намечалась вечеринка у Таньки, куда она позвала всю поселковую детвору. И Алиса должна прийти, во всяком случае, Танька сказала, что она ее тоже звала.

Костя с Алисой были совершенно разные, и видимо именно это обстоятельство Костю и притягивало.

Так, Алиса любила книги, а Костя их терпеть не мог. Нет, ну если книжка нужная полезная, например, такая как «Телевидение — это просто!», почитал и телек починил, это Костя понимал. Он не понимал другое. Например, зачем читать про природу? Когда Костя и так может пойти на речку, с ее камешками и чистой прозрачной водой, поваляться на зеленой траве, вдохнуть аромат полевых цветов, вгрызться зубами в только что сорванное восковое яблоко, небрежно вытертое о штанину. Зачем читать, когда можно увидеть, вдохнуть, вкусить? Ну, может, у кого-то всего этого нет, не всем же так повезло как ему, тогда пусть хоть почитают. А ему-то зачем? Еще менее были понятны Кости всякие душевные переживания литературных героев на пустом месте.

Уроки по литературе были для Кости самыми ненавистными, после политзанятий с вожатой Мариной Николаевной. Дело в том, что учитель литературы Анна Сергеевна,

все время заставляла писать сочинения, и настоятельно рекомендовала излагать в них свои мысли. А мысль у Кости, после с трудом прочитанного произведения, по сути, была одна — «Дураки какие-то». Написать это он, конечно, не мог.

Неделю назад он, изрядно промучившись, попросил Алису написать за него заданное на дом сочинение. Алиса написала. Костя переписал в свою тетрадь и сдал на проверку. Получив тетрадь после проверки с заветной пятеркой, он возрадовался. Но радость была недолгой, Анна Сергеевна попросила остаться его после уроков, что уже само по себе ничего хорошего не предвещало. Его опасения подтвердились. Анна Сергеевна усадила его за парту и попросила написать сочинение по тому же произведению, но на другую тему. Произведение он, по ее словам, хорошо понял, и труда у него написать еще одно сочинение не составит. И сделать это Костя должен был в ее присутствии. Анна Сергеевна усе-лась за свой стол и стала проверять тетрадки, периодически с любопытством поглядывая на Костю. Костя тщетно пытался, что-то из себя выжать, но так и не смог. И ему пришлось признаться, что сочинение, за которое он получил пятерку, написал не он. Анна Сергеевна прочла ему мораль на тему «врать нехорошо» и поставила в дневник кол. Но на этом Анна Сергеевна не успокоилась и провела беседу с Алисой тоже. Откуда она узнала, что сочинение написала Алиса, Костя так и не понял. Алиса же была уверена, что он ее сдал, и по-

тому обиделась. И не разговаривала с ним неделю, несмотря на неоднократные попытки с его стороны помириться. Просто отворачивалась и уходила.

Теперь Костя планировал помириться с ней на вечеринке, так как лучшего способа и придумать было трудно.

— Костя, посмотри, какая красотища! — Алиса настолько была поражена чудесным садом, что даже забыла, о том, что они с Костей в ссоре. — Посмотри, сколько их. И они все разные. И как они пахнут...

Костя не сильно разделял восторги Алисы по поводу роз, но он обрадовался, что Алиса больше на него не сердится.

— Да, красиво, — поддакнул он.

— Ну, что вы там стоите, — крикнула с порога дома Танька, — идите в дом, надо включить быстрее музыку.

Таньке не терпелось начать танцы.

Они вошли в дом. Через небольшой коридорчик прошли в гостиную. У ближней стены к входу стоял большой диван на изогнутых ножках. Напротив, располагался искусственный электрический камин. Танька тут же продемонстрировала его работу, нажав на кнопку. Горел камин очень реалистично, искусственным огнем облизывая бревнышки. Посреди комнаты стоял круглый столик, с изящной резьбой. В комнате также были два кресла с такими же изогнутыми ножками как у дивана, телевизор, стереосистема с двумя большими колонками, старинное пианино, на стенах висели

картины, кругом стояли вазы, светильники, статуэтки.

Правая от входа стена была заставлена шкафами со стеклянными дверцами, за которыми благородно мерцали темные корешки книг. Книги, по сути, занимали целую стену немаленькой гостиной с пола до потолка.

Алиса, увидев это богатство, обомлела:

— Это же полные собрания сочинений! — воскликнула она

— Еще бы мой папа неполные выписывал, — возмутилась Танька

«Ну, все, — подумал Костя, неприязненно глядя на книги, — сейчас засядет»

И действительно, Алиса взяла с полки какую-то книгу и уселась с ней в кресло.

— Костя, давай колонки в окно выставим и музон включим, — нетерпеливо ныла Танька.

Костя завозился со стереосистемой. К восторгу находящейся под окнами подростков загрели «Белые розы». Началась дискотека.

Костя вышел на улицу. Посмотрел, как под музыку ритмично дергается толпа, центром которой являлась Танька. Она подпрыгивала выше всех.

Костя танцевать не любил. Не видел смысла в этой бестолковой дерготне. Однако пригласить Алису на медленный танец он планировал. Вообще-то, если уж так совсем на чистоту, Косте просто хотелось обнять свою подружку. А это

был формальный повод.

Тут как раз сменив «Белые розы», зазвучала медленная плавная композиция. Вокалистка приятным глубоким сопрано вопрошала «где я» и сетовала на то, что она скучает от одиночества.

Костя решил, что настал его звездный час и вернулся в дом. Здесь музыка не так грохотала. Алиса сидела в кресле и читала книгу, и даже вздрогнула, когда он к ней обратился:

— Алиса, давай, потанцуем.

Алисе видимо не хотелось уходить далеко от своего кресла и книги, но и обижать Костю отказом ей тоже не хотелось.

Поэтому она предложила:

— Давай, тут.

Костя обрадовался, еще лучше, они будут вдвоем. Алиса встала с кресла и подошла к Косте. Он осторожно положил руки ей на талию, и они стали медленно, в такт музыки, передвигаться по кругу.

В комнату вбежала Танька.

— О-ля-ля! Да у вас тут романтик!

Алиса чуть отпряла от Кости, но он сжал руки, не отпуская, и шепнул ей на ухо: «Не обращай внимания»

— Сейчас я вам обстановочку создам, — не унималась Танька.

Она включила светильник, стоящий на столике и выключила горевшую люстру. Комната наполнилась мягким, приглушенным светом. Что-то в светильнике начало медленно

вращаться, по потолку и стенам побежали разноцветные зайчики.

Танька побежала на улицу, заодно выталкивая из комнаты, пытающегося проникнуть к стереосистеме, Женьку.

В полумраке комнаты Костя позволил себе чуть больше положенного, он обнял Алису. Она не сопротивлялась. Ее руки тоже обхватили его чуть теснее.

Женька все-таки прорвал оборону, и сменил музыкальную композицию. Толпа за окном заорала в унисон с Юрой Шатуновым «Я не знаю, что сказать тебе при встрече».

Косте не хотелось, чтобы Алиса опять засела в кресло с книжкой, и он предложил ей:

— Пойдем еще на розы посмотрим

Алиса согласилась. Они ходили по розарию, Алиса рассматривала цветы, наклонялась, вдыхала аромат. Костя потихонечку направлял ее в дальний угол сада, где он заметил лавочку, над которой на опорах плелся куст необыкновенно ярко красных роз. Розы свисали такими огромными шапками, что из-за цветов практически не были видны листья. Они сели на эту лавочку, вдыхая опьяняющий аромат роз.

Как из-под земли вынырнула Танька.

— Костя, пойдя, нарви черешни, вон там — она показала куда-то вглубь сада — и Алису угости. Там стремянка есть. С верхушки рви, самую сладкую и крупную.

Танька вручила ему небольшой бидон.

Костя пошел за черешней, вернулся минут через двадцать

и они с Алисой стали есть черешню, прямо с бидона, немывтую, выплевывая на землю косточки.

Когда вечеринка закончилась, и им настала пора возвращаться домой, Алиса попросила у Таньки книгу почитать.

Танька разрешила:

— Авось, отец не заметит, ты только верни через неделю.

— Хорошо, а можно еще Косте взять?

Костя досадливо поморщился, еще этого не хватало. Танька разрешила. Алиса окинула Костю взглядом с ног до головы, словно оценивая его, подумала и взяла томик Беляева.

Костя собирался ложиться спать и наткнулся взглядом на книгу, которую надлежало скоро отдавать. А Костя ее не удосужился еще открыть. Он подумал, что Алиса может начать расспрашивать его по поводу прочитанного, и, поняв, что он не читал, обидеться. И опять придется с ней мириться. Он вздохнул и открыл книгу. К его удивлению, он отложил книгу, когда прочел ее всю. Посмотрел на часы, было три ночи. Книга ему неожиданно понравилась.

Алиса через неделю вернула, как и обещала Таньке книги. И на следующий день подошла к Сергею Петровичу.

Немного стесняясь, она обратилась к нему:

— У вас замечательная коллекция книг. Любая библиотека могла бы вам позавидовать.

Сергей Петрович несказанно обрадовался. Хоть кто-то в

селе, оценил по достоинству его коллекцию книг.

Конечно, он разрешил Алисе брать книги, и впоследствии все сокрушался: «Ах, если бы моя Танька так же любила книги»

Алиса брала для себя, и для Кости. На Костю обрушился Жюль Верн, Джек Лондон, Стивенсон, Дефо. И Костя потихонечку втянулся.

Ему нравилось, что он теперь иногда стал видеть мир глазами Алисы. Проявлялось это иной раз весьма причудливым образом. Например, раньше, когда они лежали на траве, запрокинув головы с травинками во рту, разглядывая облака, Костя видел в облаке очертания совы, Алиса — кошки. Теперь же, Костя не перестал видеть свою сову. Но он также стал видеть и Алисину кошку.

НАПИТКИ ПОКРЕПЧЕ

Есть восточная пословица «Сколько не говори „халва“ — во рту слаще не станет». Это не так. Когда любишь женщину, ее имя становится слаще халвы. И, произнося это имя, чувствуешь сладость. Юля, Юлька, Юлия, Юлечка, Юленька, Юляша, Юлёчек... Сладость, тепло, блаженство...

Я назвал дочку ее именем. Чтобы иметь возможность пожизненно произносить это имя. Сдуру рассказывал жене о своей первой любви. Она ревновала. А когда я заявил, что хочу назвать Юлей нашу первую дочь, вознегодовала. Спорила, проклинала меня, плакала. Но я был непреклонной сволочью. Юля, и все. И точка. Моя дочь совсем не похожа на мою первую любовь. Но произнося это имя, я чувствую ту самую сладость, которую ощущал, когда обращался к той далекой и любимой девушке. И еще дочь отвечает мне взаимностью. Она любит меня безусловной любовью, в отличие от той Юли, которая относилась ко мне равнодушно точно так же, как она относилась ко всем остальным парням, которых не любила.

Я бы полжизни отдал за то, чтобы она меня любила хотя бы один день, но любовь нельзя выменять, выпросить, купить, потребовать. Странная штука любовь. Ты можешь разбиться в лепешку, а в ответ получить равнодушие, отторжение, раздражение. Можешь ничего не делать, быть безраз-

личным и холодным, а женщина будет умирать от любви к тебе. Принимать таким как есть, все прощать, на все закрывать глаза. Первых обычно любят, о вторых вытирают ноги. И бросают. Обычно эти вторые потом говорят: «Я отдала тебе лучшие годы жизни», или «Конечно, она ведь молодая», даже если «молодая» — это моложе на полгода. Хотя... Физически можно и оставаться рядом. Надевать выглаженные рубашки, есть борщ, заниматься раз в неделю сексом, рожать и воспитывать детей. Можно казаться примерным мужем. Казаться, но не быть. Потому что без любви все только кажется.

История первая

Собака на сене

Я проходил службу в одной из воинских частей Буйнак-ска, небольшом городке Дагестана. Но эта история не о моей службе, и даже не о Юле. Эта история о Валере.

Спустя год, после моих проводов в армию, которые были отмечены в общежитии колледжа грандиозной пьянкой, получив вождеденный отпуск, я поднимался по знакомой лестнице на третий этаж общежития. Направлялся я к Юле, девушке, которая отвечала мне на мои письма из армии. Она просто отвечала на мои письма, а я просто ее любил. Одет я был в форму пограничника. Почему-то решил, что это произведет на нее впечатление.

— Привет! А я тебя знаю. Ты — Сергей. Служишь в части №... г. Буйнакск, — улыбаясь во весь рот, и светясь от сча-

ства, воскликнул спускающийся по лестнице светловолосый голубоглазый парень.

— Откуда ты меня знаешь? — спросил я

— Я видел твои письма у Юли. Еще тогда удивился. На конверте номер части... Дело в том, что это та же самая часть, в которой я служил. Всего год назад. Ты представляешь?

Пришла пора удивиться мне.

— Пойдем, пойдем, — он потащил меня вверх по ступенькам, на следующий, четвертый этаж, где проживали парни, — нам есть о чем поговорить.

По знакомому коридору он провел меня в свою комнату. Достал бутылку водки, нарезал сала, хлеба, открыл банку с кабачковой икрой. Представился Валерой.

— Ну, рассказывай, — сказал нетерпеливо, разливая по стопкам водку, — как там?

Нам действительно было о чем поговорить. К нашему разговору присоединились еще ребята, те, с которыми я был знаком, и которые провожали меня в армию год назад. Комната быстро заполнялась парнями, на столе появлялись новые бутылки, какая-то закуска.

Санек, мой приятель, живший в прошлом году в комнате по соседству со мной, сказал, обратившись к Валере:

— Слышь, Валер, а давай, дискач замутим?

Валера, как оказалось, был старостой мужской половины общежития и имел некоторое влияние на воспитателя об-

щежития, поэтому, согласно кивнув, он убежал, решив воспользоваться своей привилегией. Его поход увенчался успехом и буквально через полчаса мы уже отплясывали в актовом зале на первом этаже общежития.

«Эй, танцуй веселей», — призывал мой неустомимый тезка по фамилии Лемох.

Нас не надо было уговаривать, разгоряченные водкой, мы неистово прыгали в полутьме, разрезаемой яркими лучами светомузыки.

Там я встретился после годовой разлуки с Юлей. Она обожала танцы, была звездой общаговских дискотек. За год ничего не изменилось.

— Привет! — стремясь перекричать музыку, поздоровалась, — Хорошо выглядишь!

И вся ушла в музыку.

Мы прыгали, веселились. А потом, я увидел, как она смотрит на Валеру, и как тот смотрит на нее. Она что-то шепнула ему на ухо, он, улыбнувшись, кивнул ей в ответ, взял за руку, и потащил за собой сквозь беснующуюся толпу.

Я курил на улице с Саньком.

— Что у них? — спросил

— Любовь, — ответил Санек, — трахаются как кролики. До семи раз за ночь доходит. Со слов Валеры. А так, конечно, свечку не держал. Но, что трахаются точно. Вон, свалили с дискотеки, думаешь зачем?

Внутри у меня что-то оборвалось. Пойти Валере морду

набить? А за что? Как бы и не за что. Она мне ничего не обещала. Просто писала мне письма. В письмах ни строчки о любви. Но так хочется пойти ему набить морду. Если б он не завязал со мной приятельские отношения, да не бухали бы мы, вспоминая армейские приколы, всего какой-то час назад, наверное, и набил бы. А так, глупо получится. Или не глупо?

— А ты, знаешь, что..., — прервал мои размышления Саян, — к Оле приглядишься. Вон, как она на тебя смотрела, пригласи ее пока на медляк что ли...

Мы вернулись, и я пригласил Олю на медляк.

Олю не так давно кинул парень. И я стал для нее чем-то типа пластыря. А она тем же для меня. Пластырь используют, когда больно. Когда рана заживает, его отрывают и выкидывают. Вот как это работает.

Выкинул я ее сразу, даже не захотелось повторить. Захотелось уйти. Как раз возник благовидный предлог. Я услышал звук гитары, раздающийся из коридора, кто-то перебирал струны, настраивая инструмент. Предложил Оле пойти послушать.

В начале коридора, прямо на столе сидел Валера, как оказалось, именно он настраивал гитару. Рядом с ним, покачивая своими красивыми ногами, сидела Юля, а вокруг уже собралась компания парней и девчонок. Мы с Олей подошли поближе.

Юля окинула взглядом нашу пару, и улыбнулась мне одоб-

ряюще. А мне от ее одобрения стало тошно.

Валера прекрасно играл и пел. И хотя вокруг была компания из дюжины молодых людей, пел он одному единственному человеку. Ей.

Смотрел на нее глазами полными обожания, и она отвечала ему взаимностью.

Больше я ей не писал. Так как отвечать стало не на что, не писала и она.

А через год, когда я вернулся из армии, я опять приехал в город моего студенчества. Я приехал на 50-летие колледжа. Конечно, вовсе не затем, чтобы выслушать там помпезные торжественные речи престарелого директора. Я надеялся встретить там ее. Ее я не встретил. Но встретил Валеру. Валера, после окончания колледжа остался в этом городе. Она, как оказалось, уехала в ближайший Мегаполис. Валера поведал мне, что они расстались полгода назад. Что случилась какая-то история, о которой он не хочет рассказывать. Я перебил его:

— Адрес есть?

— Нет. Она пару раз приезжала сама. Я у нее не был.

— Чем она занимается? Где ее можно найти? — не унимался я

— В ларьке каком-то торгует. Во всяком случае полгода назад так было. И знаешь, что..., — Валера на минуту задумался, — Я тебе по-дружески скажу, не ищи ее.

Меня не интересовали ни та история, которую он мне не

поведал, ни его дружеские рекомендации. И каким другом может быть бывший твоей возлюбленной? Или еще не случившийся будущий? Никаким. Сам Валера мне это тогда продемонстрировал. Понял об этом я позже.

На следующий день я поехал в Мегаполис и, в течение недели, шерстил ларьки. Среди тысяч ларьков, расплодившихся со страшной силой в лихие 90-е, хотел найти один. Среди миллиона жителей — одну единственную девушку.

Тогда я ее не нашел. Но предчувствие того, что мы с ней обязательно встретимся, не покидало меня. Мы обязательно встретимся тогда, когда будет поздно. Поздно что-либо менять. Так устроена жизнь.

История вторая

Письма издалека

Прошло пять лет. Я благополучно трудился рядовым сотрудником таможни, и доработал до возможного повышения. Возможного, потому что мне не хватало одного — высшего образования. Шеф сказал, что если я поступлю в институт на экономический факультет на заочную форму обучения, и принесу подтверждающий документ, то я смогу занять освободившуюся по случаю переезда в другой город должность начальника отдела.

Деньги были не лишними, к тому моменту у меня была жена и две дочки, с младшей жена сидела в декретном отпуске. Повышение по службе — это автоматическое повышение заработной платы.

И я поступил. Как не странно, интуитивно я выбрал вуз в городе моего студенческого прошлого, хотя мог бы выбрать и в Мегаполисе. Выбрать в Мегаполисе, и не встретить ее.

Я приехал зимой, перед Новым годом, сдавать свою первую сессию. С энной сумой денег и вакуумом в голове, как большинство заочников.

Шел по коридору института и встретил ее. Мир перевернулся.

Глаза ее вспыхнули радостным огнем, а про меня и говорить нечего. Думаю, что я выглядел со стороны абсолютным дураком. Стресс от большой радости сродни стрессу от большого горя. Полная потеря реальности.

— Так что, придешь вечером? — услышал я ее вопрос.

До этого она что-то рассказывала, а я ничего не слышал. Как будто звук отключили и включили лишь на последней фразе.

— Куда? — спросил

— Ну, как куда? Ко мне. Записывай адрес.

Я послушно записал. И вечером был у нее, прихватив бутылку коньяка и коробку конфет.

Квартира находилась в центре города, в девятиэтажке на верхнем этаже. Трехкомнатная, хорошо обставленная. Но более всего впечатлял вид из окна гостиной, куда она меня завела. Шторы были распахнуты, и с окна открывался вид на расцвеченный огнями город, и на необыкновенный простор. В квартире кроме нас была еще ее мама, и дочь, девочка трех

лет. Она меня познакомила с ними, и спроводила их в соседнюю комнату. Интересно было увидеть ее в трех ипостасях, она была похожа на свою маму, как дочь на нее.

— Муж в командировке, — произнесла, — садись в кресло.

Указала на одно из двух кресел. И пошла на кухню.

Значит замужем. Ничего странного. Такая никогда не будет одна. Уж не за Валерой ли?

Вернулась она достаточно быстро. На небольшой круглый столик опустились тарелки, рюмки. Нарезки из сырокопченой колбасы, сыра, лимона, немного овощей и фруктов, хлеб.

— Ты, может, кушать хочешь? Что-нибудь посерьезнее? Мама борщ сегодня варила...

— Нет, не надо, — ответил я, — садись уже.

Не хотел тратить драгоценное время на какую-то дополнительную суету.

Она села в кресло напротив. Я открыл коньяк, и мы стали пить. Практически не закусывая. Почему-то мне захотелось быстро напиться, и, глядя на то, как она наравне со мной опрокидывала рюмки с крепким напитком, я понял, что в этом желании я не одинок.

Когда бутылка опустела, я быстро сгонял еще за одной, в ближайший от ее дома магазин.

Со второй бутылки полились откровения.

— Валера мне сказал при знакомстве, что видел мои пись-

ма у тебя. Ты... Ты их ему показывала? Зачем?

— Да он сам их мне приносил

— Как это... приносил?

Она напомнила мне, что в общежитии приходящие письма раскладывали по ячейкам деревянного короба, согласно номерам комнат, в котором жил адресат. Каждый проживающий забирал со своей ячейки адресованную ему корреспонденцию. Не было никаких замков, ключей, почтовых ящиков, все хранилось в открытом доступе. И Валера, проходя мимо, просто заглядывал в ячейку под номером ее комнаты, и приносил ей письма, если она не успевала забрать до него.

— Кстати, мог и не приносить, — заметила она, — Мог уничтожить. Ревновал жутко. Но, приносил. Кидал на стол и выражал недовольство. Вот, мол, опять один из парней...

— Парней? — воскликнул я удивленно.

Она улыбнулась.

— Я сейчас покажу тебе кое-что.

Из нижнего ящика стоящего в гостиной серванта, она извлекла внушительного размера картонную коробку, когда открыла, я ахнул. В ней, перевязанные разноцветными ленточками, хранились стопки писем.

— Вот твои, — достала одну из стопок, — хочешь почитаем? Вспомнишь свое армейское прошлое.

— Охренеть. И что, ты их хранишь? — спросил, испытывая легкий шок

— Как видишь, — она пожала плечами, — Все, до еди-

ного. От всех парней, которые мне писали. Разные письма. Вот эти, — достала небольшую стопку, перемотанную красной лентой, — самые страшные. От первого парня, который мне написал. Мне тогда 15 лет было, а ему 18. Жили по соседству. Даже не встречались. А почему-то написал мне. Я ответила. Я тогда еще совсем девчонкой была, не думала о каких-то отношениях. Для меня он был слишком взрослым что ли... После учебки его закинули в Нагорный Карабах, подавлять осетинский конфликт. Эти письма о войне, от лица мальчика, который оказался к этому не готов. А я была не готова читать это..., и я их никогда не перечитываю, просто храню. Он вернулся, все обошлось. Говорил, что ему тогда мои письма очень помогли. Помогли выжить. А что я ему писала? Погода, природа, учеба в школе... Теперь я понимаю, что ему было важно знать, что есть другой мир. Где девочки ходят в школу, где пахнет распусившимися цветами, и ярко светит солнце... Другой мир, в который он когда-нибудь вернется. Потом я уехала в этот город, поступила в колледж. Истории начали повторяться. Не у всех парней есть девушки, которые их ждут, пишут. Кому таким писать? Маме всего не напишешь. Писали, кстати, нашей воспитательнице и даже бабушкам вахтершам, но это тоже из разряда мамы. Другим писали, но друзья — это не девушка. Ты знаешь, насколько я всегда была общительна... Адрес знают, номер комнаты знают, пишут, я отвечаю. Всем и всегда. А почему писали... Да вот тебя взять — почему ты мне писал? Разве

я была твоей девушкой?

— Надеялся, что станешь, — ответил я, — и те, другие, что писали тебе, тоже на это надеялись.

— Это ничего, — ответила она, — на гражданке все меняется. Девушек много, есть с кого выбирать. В холостяках никто не остался. Даже ты. И быстро утешился, кстати, тогда, в свой отпуск.

Так я и знал, что напомним.

— Писать перестал. Обиделся, — продолжила она

— Дурак был просто, — закруглил я неприятную для себя тему, — Тогда обиделся, да, не скрою. Но потом... Я тебя искал после армейки. Приехал на юбилей нашего колледжа, думал вдруг встречу. Валеру только встретил, жаль, что у него адреса твоего не было...

— Почему не было? — ответила она, — был. Он ко мне приезжал в Мегополис. До того, как мы расстались.

Жаль, все-таки, что не набил ему морду, когда хотел это сделать. Когда хочется что-то сделать, надо делать. Сердце никогда не обманывает.

— Понятно, — мрачно отозвался я, — сказал, что нет. И я по ларькам ходил...

— Ты сумасшедший, — засмеялась она, — найти человека в миллионике таким образом, все равно, что иголку в стоге сена.

История третья

Хороший человек

Мы вышли на балкон. Я курил, она просто стояла рядом. Свежий ветер обдувал мое лицо. Россыпью брильянтов сиял перед нами город, словно опрокинутое ночное небо.

Нет, мужем ее был не Валера. Другой мужчина. По ее словам, очень хороший человек.

— А ты любишь его? — спросил я, затянувшись.

Она смутилась и промолчала. Перевела стрелки на меня, мою жизнь.

В последний наш поход на балкон нас уже конкретно понесло. Вернее ее. Потому что, учитывая тот факт, что я был мужчиной и весил в два раза больше, бутылка коньяка для меня не то же, что для нее. Если я и был пьяный, то от нее. И это опьянение придавало мне безумную смелость.

Я курил и убеждал ее, что нужно начать новую жизнь. Что я не люблю свою жену, и что она не любит своего мужа. Нужно развестись...

— Ты это серьезно сейчас? — спросила она, глядя на меня с удивлением.

Я был серьезен как никогда.

— Ты можешь вот так запросто бросить жену и двух малолетних дочек? — продолжала она

— Что значит бросить? — возмутился я, — Развестись, это перестать жить с человеком, которого не любишь. Дети — это навсегда, я всегда буду помогать им, общаться с ними, любить их.

— Но у меня дочь...

— И что? Я люблю ее, как твое продолжение. И ты родишь еще... Родишь мне сына. И я люблю тебя еще сильнее... Юля, Юлечка, да пойми ты... Никогда не поздно все изменить в жизни. Я тебя не просто так встретил. Ведь встретил все-таки? Давай, решимся. Юленька, дорогая, любимая! Я буду тебя всю жизнь любить, никогда не изменю тебе, ты ни в чем не будешь нуждаться, и никогда не пожалеешь, я тебе клянусь...

Она закрыла мне рот поцелуем. Голова у меня закружилась. В ее поцелуе было столько любви, только влюбленная женщина может так целовать. Вот так, влюбилась в одно мгновение.

Отпрянула от меня и спросила, где я остановился.

Остановился я в одной из гостиниц Мегаполиса.

— Сережа, не надо никаких разводов. Я завтра приеду к тебе. Днем. Или... Ты не хочешь?

— Что ты говоришь? Как я могу тебя не хотеть? Юлечек... Юляша, милая... Я как увидел тебя, сразу влюбился, с первого взгляда. Конечно хочу. И тебя хочу, и все хочу с тобой, все ... — выдохнул я, — но ты не приедешь. Завтра ты протрезвеешь и станешь другой. Перестанешь меня любить.

— Я обещаю тебе...

Она провожала меня на автобус. Мы целовались как безумные, не в силах оторваться друг от друга, не в силах расстаться.

Водитель ждал сколько мог, но, потом, не выдержав, заявил:

— Кто там из вас едет в Мегаполис, садитесь, иначе уезжаю без вас.

Она подтолкнула меня к двери автобуса.

Я позвонил ей следующим утром, часов в десять. Услышал, как фоном шумит вода. Голос ее отзывался в трубке эхом.

— Сережа, мне так плохо... Так плохо... Я никогда в жизни так много не пила. Сажу в ванной, прихожу в себя... Прости, я не приеду... Ты... Ты не обижаешься?

— Нет, — ответил я, — я знал, что так будет. Еще вчера знал.

Похмельный синдром. Алкоголь, наркотики и любовь стимулируют один и тот же участок мозга. Это доказанный факт. У нее алкогольное похмелье, у меня любовное. Мы чувствуем одним и тем же, но разное. Эйфория всегда сменяется похмельем.

Каждый год, 28 мая она звонит мне. Поздравляет с днем пограничника. Я безумно счастлив слышать в трубке ее бодрый, веселый, звенящий голос.

К ней я больше не приезжал. Она никогда не разведется с мужем, с этим очень хорошим человеком. Которому в последствии родила сына. Зачем ей менять одного нелюбимого мужчину на другого. Нужно посмотреть правде в глаза — она не влюбилась в меня, это все коньяк. Что касается меня,

я по-прежнему готов изменить свою жизнь в любой момент, когда она позовет. И коньяк тут не причем.

ЛОНЖИНЫ

Утреннее солнце осветило комнату холостяцкой хрущовки. Раздалась приятная мелодичная трель — сработал будильник на мобильном телефоне. Олег завожился на кровати, замер, пытаясь продлить хотя бы на несколько секунд убегающий сон, затем вздохнул и сел, откинув одеяло. Взгляд его пробежался по разбросанным на полу носкам, поднялся вверх по стене и встретился с взглядом девушки, изображенной на висевшем портрете. Улыбка тронула лицо Олега.

— Привет, — сказал он вслух, обращаясь к портрету, — как тебе спалось на новом месте? Хорошо? Я рад. Кофе?

Олег последовал на кухню, попутно захватив носки и отправив их в стиралку. На плите зашипело, запенилось кофе, распространяя приятный бодрящий аромат по всей квартире.

Налив себе чашку ароматного напитка, он, усевшись в кресло напротив портрета, продолжил свою беседу, словно перед ним находился живой человек.

Портрет был приобретен Олегом вчерашним вечером на Арбате. Воскресенье выдалось солнечным, и Олег решил прогуляться. Бродил бесцельно по знаменитой московской улице. Разглядывая выставленные картины, он уперся взглядом в портрет юной девушки. И сразу влюбился. В черно-белое изображение. Бездонные глаза, тонкие черты, шапка куд-

рявых волос, коротко подстриженных и смешно торчащих в разные стороны. Звонкий смех, как валдайский колокольчик прозвучал совсем рядом, Олег перевел глаза на смеющуюся девушку, и увидел оживший портрет. Молодая, худенькая, живая в своих движениях, она договаривалась с каким-то толстяком о написании его портрета. Толстяк торговался, она не уступала. В конце концов, они договорились. Толстяк уселся в кресло, девушка взяла мольберт и стала пристально вглядываться в лицо своего заказчика. Олег некоторое время понаблюдал за ее работой, погулял еще часа полтора по Арбату и вернулся. Девушка заканчивала свою работу. Толстяк на портрете получился и похожий на себя, и не похожий одновременно. Это была его улучшенная версия. Толстяк работой остался доволен. И когда он ушел, держа под мышкой пластиковую трубочку с вложенным портретом, Олег, наконец-то, заговорил с ней:

— Вы его изобразили красивее, чем он есть

— Да. Приукрашиваю немного, не без того, заказчикам это нравится, — ответила она, и опять колокольчиком прозвучал ее звонкий смех.

— А этот портрет сколько стоит? — спросил Олег, указывая на ее портрет

— Этот не продается, это выставочный экземпляр. Да и зачем он вам? Давайте я ваш напишу.

— Нет. Я хочу этот. А вы напишите другой, разве вам это сложно?

Девушка задумалась.

— Ладно. Но я возьму за него двойную цену. И без торга. Хотите, берите, хотите нет, — она как-то отстранилась и нахмурилась, будто бы он, в самом деле, начал торговаться.

— Идет, — согласился Олег.

Он обменялся с девушкой еще несколькими фразами. Звали ее Марией, в Москву она приехала недавно, жила со своей старенькой мамой в маленькой квартирке на окраине.

Так Мария поселилась в квартире Олега. Вначале в виде портрета. У Олега вошло в привычку, по утрам подходить к портрету с чашкой кофе и разговаривать с Машей. Приходя с работы, он рассказывал, как прошел его день. Вглядывался в глубину бездонных глаз и считывал ее ответы, вперемешку со звонким смехом, словно слыша их где-то внутри себя.

А в выходные бежал на Арбат, к ней...

Совсем скоро она перебралась к нему, и его маленькая хрущевка наполнилась новой жизнью. Яркой, интересной, смешной. Он даже не мог себе представить, как раньше жил без Маши. Рядом с ее портретом очень быстро появился его. Слегка приукрашенный. Как он не старался уговорить ее написать его как можно реалистичней, она все равно сделала по-своему. Не потому что не умела по-другому, а потому что не захотела. И он теперь каждое утро любовался на себя помолодевшего и подобревшего. И через какое-то время стал замечать, что он удивительным образом стал походить на это его улучшенное изображение. А впрочем, что удивительно-

го. Ничто не красит так человека, как состояние влюбленности. Олег был влюблен. Его жизнь обрела новый смысл. Он начал усиленно работать, часто задерживаясь. Она пропадала на своем Арбате.

Так длился почти год. И в тот злополучный вечер он мчался домой, ему надо было обсудить предложение, которое свалилось ему на голову на работе, и которое могло кардинально поменять их жизнь. Его направляли на двухгодичную стажировку в Америку, как подающего надежды специалиста по IT-технологиям. Фирма оплачивала проживание, перелет, стажировку. Он планировал отправиться туда с Машей.

С Машей в последнее время творилось что-то неладное. Она стала раздражительной, замкнутой. Стала как-то избегать его, долгих разговоров за вечерним чаем, прогулок, уклоняться от его поцелуев и ласк, ссылаясь на безумную усталость. Они и вправду оба работали, как сумасшедшие, и так мало уделяли внимания друг другу. Новая страна, новая жизнь, новые возможности. Все это вдохнет и новую энергию в их охладевшие отношения. Так думал Олег. И деньги, да. На стажировке в заграничной компании Олег будет получать в два раза больше, и после его ждет повышение. Плюс новый опыт. Олег несся на всех парах с этой сногшибательной новостью.

Она сидела на диване, сцепив ладони и опустив голову. Он радостно заговорил с ней. К его удивлению, выслушала она его без всякого энтузиазма.

И смотря куда-то в сторону, произнесла:

— Олег, я изменила тебе. Я полюбила другого мужчину. Он художник. Очень талантливый. Я уйду. Если можешь, прости...

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Он не нашелся, что ответить. Удар был такой силы, что Олег потерял дар речи. Он молча развернулся и ушел.

Неделю он провел у своего друга на пустой даче, взяв у него ключи. Всю неделю он бухал. Его внутренний мир рухнул, и ему было все равно, что происходит в мире внешнем. В воскресенье на дачу приехал обеспокоенный друг.

— Черт побери, Олег, — начал друг, — хватит уже. Давай соберись, если ты завтра не пойдешь на работу, ты не только со стажировкой пролетишь, но и вовсе с работы вылетишь. Ишь, раскис из-за какой-то бабы. Не ты первый, не ты последний...

Он вывел полупьяного Олега на свет божий, закрыл на ключ дачу и отвез его в городскую хрущевку.

Хрущевка встретила его пустотой. Не было Маши, не было ее вещей, лишь портрет по-прежнему смотрел на него со стены.

Олег снял его и хотел изорвать на кусочки, но заглянув в эти родные, теперь уже чужие глаза, не смог. Он сел на диван и в бессилии заплакал. Свернув портрет в трубочку, поместил в пластиковый футляр и закинул на антресоли.

Утром, приняв душ, выпив кофе, он отправился в офис.

В этом городе его уже больше ничего не держало. В течение месяца он справлял необходимые для выезда бумаги и искал квартирантов, чтобы сдать квартиру на время своего отсутствия.

Москва встретила Олега слякотным туманным утром. Закинув вещи в свою слегка ушатанную квартирантами хрущовку, Олег вызвал такси и отправился к другу.

— Привет, американец, ну как там? — обнял его на пороге квартиры друг

— Хорошо в гостях, но дома лучше, — ответил Олег

— Сереж, что ты его на пороге держишь? Олег, проходи, — вмешалась Света, жена Сергея, мойте руки и к столу.

Олег направился по знакомому коридору к ванной, на встречу выбежал белобрысый голубоглазый малыш.

— Ого, да какой ты большой стал, — Олег подхватил малыша на руки и подбросил пару раз. Малыш заливисто рассмехался.

Олег с удовольствием окунулся в домашний уют своих друзей. На душе было необыкновенно светло и хорошо.

Света постаралась от души. Салаты, нарезки и коронное блюдо — запеченная с яблоками утка. Олег отяжелел от обилия еды. Сергей предложил выйти на балкон покурить.

С балкона у Сергея открывался прекрасный вид на ночной, расцвеченный огнями город. «Красиво как...» — залюбовался Олег. Чиркнула зажигалка, осветив пламенем ли-

цо Олега. Он с наслаждением затянулся сигаретным дымом. Выдохнул.

— Машу недавно видел, — неожиданно произнес Сергей.

Олег почувствовал легкий укол в сердце. Его светлое ощущение на душе сменилось щемящей тоской.

— Как она? — спросил как можно безучастным голосом.

— Плохо, — ответил Сергей, — мама у нее болеет, вернее умирает. Онкология. А художник этот пил, побивал, и, в конце концов, другую бабу завел. Да и с Арбата их погнали всех. Перебивается случайными заработками, дает частные уроки рисования. В общем, на мели, а деньги, как ты понимаешь нужны. Я предлагал помощь, отказалась.

Олег вздохнул. У него не возникло никаких злорадных чувств. Напротив, острая жалость к Маше пронзила его сердце. Вспомнил он и Анну Степановну — сухонькую строгую старушку, с пристальным взглядом. Просканировав его в первую их встречу, она неожиданно как-то сразу прониклась к нему симпатией. Маша была единственной дочерью, поздним ребенком, отец ее умер, когда Маше было всего 4 года. Маша это все, что осталось у Анны Степановны от любимого когда-то человека. И вот теперь Анна Степановна умирала, а Маша бедствовала.

Олег ехал на такси в свою холостяцкую берлогу по ночной Москве. Навстречу неслись рекламные проспекты. Достал мобильник и стал набирать сообщение. Он не раздумывал долго над своим поступком.

И где-то на другом краю города в ту же минуту уставшая Маша удивленно прочла на экране мобильного пришедшую смс-ку «Перевод 300 000 р от Олега Владимировича М. Сообщение « Потрать как пожелаешь».

Олег сидел за столиком в ресторане и машинально наблюдал, как в большом аквариуме плавали разноцветные рыбы. Черные сомики вяло ползали по дну, золотые, красные и полосатые рыбки, подрагивая своими хвостиками плавно двигались в водном пространстве. Эти завораживающие движения рыб несколько успокаивали взбудораженные нервы Олега. Он ждал Машу. Она позвонила ему и попросила встретиться.

Маша вошла в ресторан, окинула взглядом столики, улыбнулась, увидев его. Нет, она совсем не изменилась. Такая же худенькая, порывистая в движениях. Те же бездонные глаза, в которые он когда-то провалился. И те же кудрявые, непослушные волосы, которые она машинально поглаживала, заправляя падающие на лицо пряди, за уши. И этот ее жест так нравился ему. Она села рядом с ним:

— Привет!

— Привет, — ответил он.

— Я ненадолго, — продолжила она, — Твои деньги... Это было неожиданно...

— Просто хотел помочь, — перебил он, — Как ты вообще?

— У меня все хорошо.

Они какое-то время помолчали. Ее «хорошо» было ложью, и они оба об этом знали.

— Я пришла, чтобы поблагодарить тебя, — продолжила она, — Возьми, это мой подарок тебе.

Она положила на стол небольшую коробочку. Он с удивлением взглянул на нее.

Она, молча, кивнула, приглашая его открыть коробку.

В коробке оказались мужские часы. Даже при скудном освещении благородно замерцали вставки розового золота на металлическом браслете. На черном лаковом циферблате, поблескивали капельками бриллиантов часовые метки. То, что и золото, и бриллианты были что ни на есть самые настоящие, сомнения у него не вызывало, так как верх циферблата был украшен изображением крылатых песочных часов, эмблемой одного из старейших и знаменитейших швейцарских брендов.

Он в изумлении поднял глаза на Машу.

— Маша, зачем? Зачем ты это сделала? — воскликнул Олег

— У меня когда-то была мечта, — отвечала она ему, — Помнишь, когда мы с тобой гуляли по Тверской, ты всегда останавливался возле того магазина... с дорогими часами. Я видела, что тебе так хочется дорогие швейцарские часы. И думала, как бы было замечательно подарить их тебе. Но ты знаешь мои заработки. Разве я могла бы позволить себе

это? А тут эти деньги. И я подумала, лучше поздно, чем никогда...

— Ты с ума сошла? — не выдержал он, — у тебя мать умирает, ты на мели, тебя бросил этот твой художник, и ты тратишь все деньги на часы для меня?

— Со своими проблемами я сама справлюсь, мне не привыкать, и потом, ты сам написал — потратить, на что пожелаешь... Может..., — Маша пытливно заглянула в его лицо, — Может, тебе они не нравятся?

— Нравятся, конечно, — вздохнул, он, немного смягчившись.

Достал из коробки, браслет пришелся четко по размеру запястья. Некоторое время они, склонившись над часами, молча, смотрели, как по черному циферблату бежит золотая секундная стрелка. Он чувствовал легкий аромат ее духов, и выбившаяся непокорная прядь коснулась его щеки.

— Ладно, я пошла, — она вдруг неожиданно встала.

— Подожди, давай я провожу...

— Нет, не надо, я на метро... Мне, правда, некогда, к маме в больницу нужно.

— Маша...

Говорят — время расставит все по местам. Но, разве время расставляет. Нет, расставляют люди. Так думал Олег, глядя на бегущую стрелку подаренных часов. Это сумасше-

ствие, кричал ему его мозг. Она все такая же. Это пороховая бочка, рванет в любой момент. Зачем теперь тебе это все... Но сердце его говорило другое.

«Интересно сохранился ли ее портрет. Все-таки квартиранты жили, от них все что угодно можно ожидать», — подумал Олег.

Пластиковый футляр, слегка покрытый пылью, валялся на антресолях, так как он его закинул два года назад. Олег достал портрет, развернул, задумчиво посмотрел и повесил на стену.

Взглянул на часы, десять вечера. Выдохнул и набрал ее номер.

— Маша, ты уже дома?

— Да

— Как мама?

— Так себе...

Молчание.

— Ты знаешь, я тут подумал... Давай попробуем заново все начать?

Он смотрел на бегущую стрелку и думал о том, что время удивительная штука. Вот сейчас для него оно словно застыло, но на самом деле движение стрелки показывает, что оно идет в своем прежнем ритме. Такая невыносимо длинная пауза. А всего то десять секунд прошло... Еще пять... Маша, ответь ты наконец-таки...

— Давай, — отозвался голос на другом конце провода.

Олег перевел взгляд на портрет, и ему показалось, что губы Маши тронула легкая улыбка.

ОШИБКА

Квартира была наполнена еще нераспакованными коробками, ящиками.

Тома, порывшись в одной из коробки, достала аптечку.

— Ляг, вот сюда, — указала ему на диван возле стены.

Костя послушно лег.

Запенилась и зашипела на рассечённой брови перекись, послышался треск отдираемого пластыря...

— До свадьбы заживет...

Чуть дольше задержалась, чуть ниже склонилась, а Костя... Костя помог сделать то, чего ей захотелось... А дальше все было легко и просто. Самое трудное во всем — сделать первый шаг.

Было еще лето. До начала осени оставалась неделя.

Наступил первый осенний день последнего для Кости учебного года.

Первый день учебного года не задался. Или, наоборот.

Костя ввязался в драку прямо в коридоре неподалеку от аудитории, к которой направлялся. Вначале в драку ввязался Женька. Кто-то бросил реплику по поводу Веры. Уже три года прошло с того трагического события, но все помнили. И когда надо было ударить побольнее, вспоминали именно это. У Женьки были давние счеты с Тимуром. Тимур был не

один, с двумя приятелями. Костя, не раздумывая, вписался за друга. И за Веру. Их разняли.

Костя, взъерошенный, на ходу заправляя в брюки рубашку, еще возбужденный после драки, ввалился в уже полную аудиторию.

На доске что-то писала преподаватель, молодая женщина.

Костя уже открыл было рот, чтобы извиниться за опоздание, но слова застряли у него в горле. Женщина обернулась и побледнела.

Первой пришла в себя она.

— Проходи... те, — сказала ему чуть дрогнувшим голосом

Костя сел за последнюю парту, как можно подальше от преподавательницы.

Далее она продолжила:

— Меня зовут Тамара Валерьевна. Я ваш преподаватель по философии. Прошу каждого по очереди встать и представить себя. Имя и фамилия...

Костя, ковыряясь в рюкзаке с тетрадями, дождался, когда аудитория опустеет, медленно двинулся в сторону двери. Задержался возле учительского стола.

— Послушай, Костя, — начала Тамара Валерьевна, — мы не должны были... И сейчас не можем... Я не знала... Ты... ты... моя ошибка.

Костя молча направился к двери

— Подожди, — окликнула его Тамара Валерьевна, — это

не все. Я не сказала тебе тогда. Я замужем.

— Главное, что я ошибка. Об остальном можете не беспокоиться, — Костя хлопнул дверью.

Костя слышал, что, словом можно убить. Но почувствовал это впервые. Скажи она «я ошиблась» или, заезженное «наша встреча была ошибкой», возможно, ему бы не было так больно. Но она сказала «ты — ошибка» и как будто в его сердце по самую рукоять вогнала нож.

Вскоре выяснилось, что он физически не может находиться с ней в замкнутом пространстве, даже если это пространство — огромная аудитория.

Ее предмет он возненавидел, потому что она любила его. «Философия — любовь к мудрости», так она сказала на первой лекции, знакомя их со своим предметом. Костя вспомнил тогда фразу «мудрость приходит со старостью, но, к некоторым приходит одна старость». Может он из тех некоторых, к которым мудрость никогда не придет? И она такая же. Сапожник без сапог. Преподаватель философии, лишенный мудрости. Как можно любить то, чего в тебе нет?

Однако она любила, и распространяла вокруг себя эту любовь. Костя смотрел на ее губы, которые говорили о каком-то Шопенгауэре. Что за дело Кости до какого-то Шопенгауэра? Он вспоминал как эти же губы шептали ему той ночью на ухо безумные слова, а потом... Потом они произнесли «ты ошибка». В сердце провернулся нож.

Сорок пять минут мучений, спасительный звонок, больше

он на лекции Тамары Валерьевны не ходил.

Рана кровоточила. Болезнь, под названием Тома, которой он заразился в ту ночь, когда Тома еще не стала Тамарой Валерьевной, требовала лечения. И лекарство нашлось. Однотруппница Аня, давно имевшая на Костю виды, и оттого легкая добыча. Костя решил вышибить клин клином. Но это не сработало, Аня не вышибла из него Тому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.